

А. Г. Гродецкая

**МЕМУАРНЫЕ АККОРДЫ
(Из наблюдений над текстом
«Ранних годов моей жизни»)**

Последние творческие годы Фет посвятил мемуарам: двухтомные «Мои воспоминания» (1890) он успел увидеть изданными, «Ранние годы моей жизни» (1893) вышли после его смерти. В Предисловии к «Моим воспоминаниям» мемуарист счел необходимым пояснить свою авторскую задачу. Пересказав исторический анекдот о фотографии, на которой император Николай Павлович заметил в своих «поразительно дисциплинированных и обученных войсках» крайне незначительный, «случайный и как бы механический беспорядок», Фет заключил: «Не вправе ли мы сказать, что подробности, которые легко ускользают в живом калейдоскопе жизни, ярче бросаются в глаза, перейдя в минувшее, в виде неизменного снимка с действительности».¹ Речь здесь идет не только об избирательности памяти, но и об избирательности авторского художественного зрения, к «случайным» подробностям не менее, а подчас и более внимательного, чем к предметам ожидаемым и очевидным. В многочисленных моментальных «снимках» с действительности в «Ранних годах моей жизни» эта авторская особенность видения жизни и способа ее воссоздания выступает, пожалуй, более отчетливо, чем в первой мемуарной книге. Здесь мощнее, как заметила Л. И. Черемисинова, и лирическая струя.²

¹ МВ. Ч. 1. С. III–IV.

² Черемисинова Л. И. Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 344. Ср.: «Несмотря на стремление к достоверному изображению свершившегося, к сохранению объективного тона повествования, книга „Ранние годы моей жизни“ субъективнее, личностнее, нежели двухтомник „Мои воспоминания“» (Там же).

Лирику и прозу Фета, и прежде всего прозу автобиографическую, не может не связывать органическая поэтологическая близость.³ Обращение к прошлому составляет постоянный мотив его поэзии, «мощные переходы во времени»⁴ сообщают ей особую лирико-философскую глубину. Для Фета-лирика характерно внимание к мигу, к ускользающему мгновению или потоку мгновений, а вместе с тем и к конкретной детали («Культ момента — принципиальная творческая установка Фета <...>»⁵), для Фета-мемуариста — внимание к эпизоду, к единичному случаю, миг в его мемуарах «обретает длительность».⁶ Способность к мгновенной чувственно-духовной реакции на происходящее (схватывание «на лету», прозрение) и к столь же стремительному ее словесному отображению сам поэт расценивал как свойство подлинной поэзии: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук / Хватает на лету и закрепляет вдруг / И темный бред души, и трав неясный запах».⁷ Особое значение «мгновения» в поэзии Фета неоднократно отмечали и его современники. Н. Н. Страхов в 1889 году в статье «Юбилей поэзии Фета» назвал его певцом и выразителем неразложимых, как аккорд, «быстрых мгновений»: «...он улавливает только один момент чувства или страсти, он весь в настоящем, в том быстром мгновении, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая песня Фета относится к одной точке бытия, к одному биению

³ См., например: *Ауэр А. П.* Взаимодействие стиха и прозы как проявление индивидуального стиля А. А. Фета // *Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX — начала XX века.* М., 1991. С. 50–58; *Михайлова С. Ю.* А. А. Фет: Стихи и проза — единый план (деревенские очерки, критические статьи, воспоминания, переводы, рассказы, лирика) // *А. А. Фет и русская литература: Материалы Всерос. науч. конф. «XV Фетовские чтения».* Курск; Орел, 2000. С. 37–45; *Орлицкий Ю. Б.* Стиховое начало в прозе А. Фета // Там же. С. 145–152. Фетовский стиль, по замечанию В. А. Кошелева, «конструировался прежде всего на основе фетовской лирики», вследствие чего и его очерки «не должны были „выделяться“ из этого стиля» (*Кошелев В. А.* Афанасий Фет: Преодоление мифов. Курск, 2006. С. 163).

⁴ *Чичерин А. В.* Движение мысли в лирике Фета // Чичерин А. В. *Сила поэтического слова: Статьи, воспоминания.* М., 1985. С. 9.

⁵ *Мышьякова Н. М.* Проблемы поэтики А. А. Фета: учеб. пособие. Оренбург, 2004. С. 69; ранее: *Мышьякова Н. М.* К вопросу о творческом методе А. Фета // А. А. Фет: Проблемы творческого метода, традиции. Курск, 1989. С. 18.

⁶ *Коковина Н. З.* Поэтика воспоминаний в художественном мире А. Фета // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества: Сб. науч. статей и материалов XIII Фетовских чтений. Курск, 1998. С. 21.

⁷ *Фет. ССШП.* Т. 5. Кн. 1. С. 203 («Как беден наш язык! — Хочу и не могу...», 1887). Ср.: «Как трудно повторять живую красоту / Твоих воздушных очертаний; / Где силы у меня схватить их на лету / Средь непрестанных колебаний?» (1888) (Там же. Кн. 2. С. 33).

сердца и потому неразложима; это — аккорд <...>». ⁸ И далее следовало наблюдение, которое в равной степени можно отнести и к фетовской лирике, и к его мемуарной прозе: «...он не выбирает предметов, а ловит каждый, часто самый простой случай жизни; он не составляет сложных картин и не развертывает целого ряда мыслей, а останавливается на одной фигуре, на одном повороте чувства». ⁹ Вторя Страхову, о мгновенных фетовских «аккордах» «живой жизни» писал и редактор его первого Полного собрания стихотворений Б. В. Никольский, видевший в элементах поэтики отражение жизненной философии поэта, его убежденности в мгновенности и преходящести жизненных событий и явлений. ¹⁰

Поэтика фетовских мемуаров, надо признать, едва ли в достаточной степени изучена, они не имеют и авторитетного научного комментария, в настоящее время он готовится и будет представлен в очередных томах 20-томного Собрания сочинений. Многообразные исторические, социально-культурные, бытовые реалии и подробности мемуарного текста объективно нуждаются в комментарии: предметно-бытовой мир в «Ранних годах моей жизни» исключительно богат, чрезвычайно плотно населен и мир персонажный. Последняя книга воспоминаний Фета объединила обильный разнопредметный и разнохарактерный материал, включив описание детства автора в родовом имении Новоселки, учебы в пансионе Крюммера в Верро и в пансионе М. П. Погодина в Москве, шести студенческих лет в Московском университете и жизни в семье Аполлона Григорьева, наконец восьмилетней службы по окончании университета в Кирасирском Военного Ордена полку.

Мемуарное повествование, столь содержательно и событийно неоднородное, казалось бы, должно быть и структурно неоднородным, не раз, в частности, отмечалась его фрагментарность, мозаичность. ¹¹ Однако мозаичная мемуарная картина, созданная в едином, интенсивном и недолгом по времени творческом акте, ¹² обладает несомненной внутренней целостностью, которую определяет не только повествовательно-интонационное единство текста — «тон целого», высоко ценив-

---

⁸ *Страхов Н. Н.* Литературная критика. СПб., 2000. С. 424.

⁹ Там же. С. 425.

¹⁰ *Никольский Б. В.* Основные элементы лирики Фета // *ПССм1901*. Т. 1. С. LXXIX. Среди прочих цитировалось при этом стихотворение «Не тем, Господь, могуч, непостижим...» (1879): «Нет, Ты могуч и мне непостижим / Тем, что я сам, бессильный и мгновенный, / Ношу в груди, как оный Серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной» (Там же. С. LXXXVII—LXXXVIII).

¹¹ См.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. С. 343 и др.

¹² Об истории создания «Ранних годов...» см.: Там же. С. 336—350.

шийся Фетом,¹³ но и ряд структурных особенностей, последовательно выдержанных на всем протяжении текста. Среди них и отмеченные выше дробность, беглость, эскизность описаний, составляющие важнейший художественный принцип мемуариста, организующий как строение текста, так и его неявные, имплицитные, открыто не декларируемые смыслы и реализующий не только эстетическую задачу автора, но и задачу жизнепознания и жизнеутверждения. Спаивающим «цементом» в мозаичной мемуарной прозе Фета служит, если вспомнить хрестоматийное определение Льва Толстого, «единство самобытного нравственного отношения автора к предмету».¹⁴

Созданные как итоговый жизненный документ мемуары, помимо изложения историко-биографического материала, не могли не содержать и необходимых автору сверхсмыслов. В уже цитированном Предисловии к «Моим воспоминаниям», размышляя о «сокровенных путях» судьбы, предопределивших, по его мысли, и жизненные лишения, и воздаяния, Фет эту свою повествовательную сверхзадачу провозгласил открыто: «Мысль о подчиненности нашей воли другой, высшей, до того мне дорога, что я не знаю духовного наслаждения превыше созерцания ее на жизненном потоке».¹⁵ К той же мысли он возвращается и еще раз, рассуждая о жизни, которая «причудливо уводит нас совершенно не по тем путям, которые мы так усердно прокладывали и расчищали».¹⁶ В дискретности фетовских воспоминаний, в их распадении на отдельные эпизоды современный исследователь видит выражение его представлений о проявлении *воли-жизни-судьбы*, «самого духа причинности, проникающего любую случайность», «в глубине своей разумного, но при этом целиком непостижимого».¹⁷ Другой автор определяет философско-мировоззренческую основу поэзии Фета, соприродную философии высоко им ценимого Шопенгауэра, как «соотношение мира явлений, каузальных и ограниченных в своей преходящей индивидуальной данности, и трансцендентной бездонной воли,

¹³ О своем переводе II-й части «Фауста» Фет писал С. В. Энгельгардт 5 февраля 1881 г.: «...главное <...> это тон целого и Фет в него попал <...>. А что есть недорословки — это я сам знаю <...>» (*Фет. ССП. С. 388*).

¹⁴ *Толстой. Т. 30. С. 18–19* («...цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое <...> есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету»).

¹⁵ *МВ. Ч. 1. С. VI.*

¹⁶ Там же. Ч. 2. С. 329.

¹⁷ *Фаустов А. А. Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета // Фаустов А. А. Язык переживания русской литературы: На пути к середине XIX века. Воронеж, 1998. С. 106. Ср.: Фаустов А. А. «Я» и «Ты» в лирике А. А. Фета // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 207.*

не знающей никаких разделений», делая акцент на том, что поэт на собственной судьбе «силится отследить поток безличной мировой воли, распознать ее направление». ¹⁸ Вечный вопрос о соотношении случайного и необходимого, непредсказуемого и предопределенного составляет в мемуарах Фета, как и в его лирике, предмет скрытой авторской рефлексии. О неявных авторских смыслах у Фета Б. В. Никольский писал: «Его замысел нужно иногда высматривать, как папоротник в Иванову ночь <...>». ¹⁹ В мемуарной прозе, добавим, сверхзамысел автора в значительной степени освещен «эпическим доверием к стихии жизни», в целом свойственным русской реалистической прозе второй половины XIX века. ²⁰

Дискретность, «аккордность» повествования характерна для всего текста «Ранных годов моей жизни», однако в разных его частях имеются очевидные различия. Рассказ о шести годах, прожитых Фетом в мезонине григорьевского дома на Малой Полянке (главы XVIII—XXVII), в семье «добродушного и шутливого по природе» Александра Ивановича Григорьева, отца Аполлона, «человека совершенно беспечного», ²¹ рассказ о жизни также вполне беспечной в бытовом и человеческом плане и исключительно творчески и интеллектуально насыщенной, богаче живыми подробностями, нежели повествование о восьмилетней службе в кирасирском полку. В «григорьевской» части мемуаров открыто присутствует авторское «я», которое в «кирасирской» части будет заметно приглушено, минимизировано, здесь звучат важнейшие, не раз цитированные исповедальные признания Фета: «...дом Григорьевых был истинною колыбелью моего умственного я <...>», здесь состоялось «полное мое перерождение из бессознательного в более сознательное существо» (С. 149). «Я» повествователя открыто звучит и в финале университетской части мемуаров: «...связь моя с обычным прошлым расторгнута, <...> сходя по ступеням крыльца, я от известного иду к неизвестному» (С. 237). В «обычном прошлом» остались увлечение поэзией, творческий взлет — «чуть не ежедневные стихотворения» (С. 204), издание «Лирического Пантеона» (1840) и журнальные публикации, широчайшие философско-литературные интересы (Гегель, Байрон, Шиллер, Гёте, Лермонтов,

¹⁸ Вайскопф М. «Цветочные спирали»: недоволощенность как конструктивный принцип в поэзии Афанасия Фета // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 2. С. 53, 55.

¹⁹ Никольский Б. В. Основные элементы лирики Фета. С. LXIV.

²⁰ См.: Тмарченко Н. Д. Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра. М., 1997. С. 95.

²¹ РГ. С. 149. Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием страницы.

Гейне, Жорж Санд) и горячие споры в студенческом кружке, в который, помимо Фета и Григорьева, входили Я. П. Полонский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, В. А. Черкасский и другие, знакомство с Боткиным, Герценом, Грановским, посещение литературных салонов и «так называемых интеллигентных домов» (Корши, Глинки, Павловы, Аксаковы, Новосильцовы), московские опера, балет и драма (Щепкин, Мочалов, Ленский, Садовский), университетская профессура, знакомая с поэзией Фета и благоволившая ему (С. П. Шевырев, М. П. Погодин, И. И. Давыдов, Д. Л. Крюков, Н. И. Крылов). «Добрейший» Шевырев провожал Фета шампанским «и поздравлял со вступлением в новую жизнь» (С. 237).

В апреле 1845 года выпускник словесного отделения Московского университета, действительный студент Фет, рассчитывавший, как известно, с получением первого офицерского чина приобрести (и вернуть) потомственное дворянство, пересекает рубеж, отчетливо обозначенный в мемуарах: «обычное» сменяется «неизвестным», герой мемуаров вступает в «неведомый мир» (С. 263), в мир случайных, стихийных, непредугадываемых явлений. Поэт попадает в глубокую провинциальную глушь Херсонской губернии, в жесткую и грубую реальность службы в резервной армейской кавалерии. Зачисленный в Кирасирский Военного Ордена полк «вольнопределяющимся действительным студентом из иностранцев», он начинает службу в нижнем унтер-офицерском чине, «лишенный даже возможности передвижения с места на место» (С. 329–330), и первый обер-офицерский чин (в кавалерии — корнет), позволивший ему покинуть расположение полка, получает через полгода по вступлении в него. И здесь «жизнь причудливо уводит» кирасирского корнета с тех путей, которые он «усердно прокладывал и расчищал»: по Высочайшему указу от июня 1845 года права потомственного дворянства могли быть предоставлены только по получении первого штаб-офицерского чина, чина майора. Исчерпывающую характеристику «новой жизни» вчерашнего московского студента находим у Г. П. Блока, биографа поэта: «Фет вступает в офицерскую среду, умственно мертвую и нравственно распущенную, резко отличную по своим интересам и обычаям от того передового высокоинтеллигентного круга, в котором Фет вращался в Москве. Офицеры подсмеиваются над мешковатостью Фета, над его недостаточно высоким для кирасира ростом и над его поэзией. Про него сочиняют стишки: Ах ты, Фет, / Не поэт, / А в мешке мякина... / Резко изменяется и сам Фет: из разгульного лентяя-студента он быстро преобразуется в подтянутого служаку-фронтовика».²²

²² *Летопись* (1985). С. 147–148.

Фет в форме корнета Кирасирского Военного Ордена полка.
С акварели А. В. Сливкиной. Александрия, 1846 г.

Очевидно, что в «кирасирской» части мемуаров, как и в главах, повествующих об учебе в пансионе в Верро, больше умолчаний и недосказанностей, чем в «московской» части. Непросто на основании нескольких беглых мемуарных эпизодов представить во всей полноте, насколько психологически тяжелой была жизнь Фета в пансионе Крюммера, где ему пришлось в разных формах испытать то, что он сдержанно назвал «приставанием к слабому» (С. 99), вскользь упомянув в другой части текста и о «пытке», «выстраданной» в Верро (С. 151). О «тайнописи» Фета-мемуариста Б. Я. Бухштаб писал: «В жизни его было много событий, которые он привык скрывать и замазывать, и центральные факты его личной жизни (происхождение, романы, женитьба, отношения с сестрами и братьями и т. п.) описаны какой-то тайнописью, соединенной с явными измышлениями. / Но и те события, в которых скрывать было нечего (как, скажем, поступление в офицеры, отставка, переселение в деревню), описываются лишь

внешне правильно; пружины же, двигавшие поступками, неизменно утаиваются».²³

Несложно допустить, что в тяжелых, ранивших душу воспоминаниях утаенного и недосказанного много больше, чем в рассказах о событиях относительно благополучных. Кроме того, в очерковой и мемуарной литературе XIX века существовали всем известные подцензурные зоны и темы, связанные прежде всего с государственной и военной службой и с деятельностью учебных заведений, освещать которые следовало с большой долей осмотрительности и осторожности. Все, что осталось недосказанным о взаимоотношениях подростков внутри закрытого учебного заведения в Верро, передает авторская сентенция в начале главы XII: «Стоя на вершине многолетия, справедливее относишься и к себе, и к другим, видя ясно, что люди в большей или меньшей степени держатся убеждения дикаря <...>» (С. 99). Это, стоит отметить, единственное жесткое обобщающее суждение в тексте «Ранних годов...», оно вполне может быть отнесено и к многочисленным обитателям того армейского «зверинца»,²⁴ который предстал выпускнику Московского университета при его знакомстве с внутренней жизнью кирасирского полка. В мемуарных главах нет той безысходной горечи, которой полны исповедальные письма Фета к И. П. Борису начальная пора его службы, где речь шла об окружавших его «гоголевских Виях».²⁵ В связи с этим заслуживает напоминания свидетельство Н. Н. Страхова, близко знавшего Фета в поздние годы: «Самые горькие и тяжелые чувства имеют у него бесподобную меру трезвости и самообладания».²⁶

В целом же обобщения, отступления, отвлеченные умозаключения, подобные приведенному выше, в мемуарах Фета крайне редки, можно сказать, единичны. Однако среди последних присутствует ряд суждений, служащих ключом и к фетовской «тайнописи», и к «внешней правильности» его описаний как осознанным принципам мемуарного повествования. Так, признаваясь в своем студенческом увлечении поэзией Гейне, он отмечает в качестве его главного достоинства «манеру говорить не о влиянии одного предмета на другой, а только об этих предметах, вынуждая читателя самого чувствовать эти соотношения в общей картине» (С. 209). Фет-мемуарист сознательно отказывается от аналитики, прежде всего психологической, не стремясь объяснить

²³ Бухштаб Б. Я. Судьба литературного наследия А. А. Фета // Бухштаб Б. Я. Фет и другие: Избр. работы. СПб., 2000. С. 191.

²⁴ Имеется в виду стихотворение Фета «В зверинец мой раскрыты двери...» (С. 295–297), в котором, по словам автора, содержалась «шуточная характеристика всех младших офицеров, так как касаться старших было бы бестактно» (С. 295).

²⁵ Письма к Борису. С. 85.

²⁶ Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 426.

ни характеры встреченных им людей, ни мотивы и логику их поступков. В Предисловии ко II-й части «Фауста», обращаясь к читателям и указывая на необходимость заменять «аналитический прием синтетическим», Фет призывал читателя «идти навстречу нашей мысли, на которую мы только можем намекнуть».²⁷

В тексте «Ранних годов...» звучит и еще одно чрезвычайно важное и в целом не характерное для мемуариста признание, определяющее его изобразительные принципы. Речь идет об «оригинальном человеке» Иване Неофитовиче Шеншине, дяде Фета, который «под рукою романиста-психолога мог бы явиться одним из замечательнейших типов». «Что касается до меня, — свидетельствует повествователь, — то я могу рассказать о нем только внешнюю правду, отказываясь рассказать внутреннюю» (С. 229). Этому принципу Фет в персонажных эскизах-очерках следует неизменно, его мемуарное повествование «часто выстраивается метонимически».²⁸ Создания типов как носителей определенных социально-исторических и национальных тенденций мемуарист последовательно избегает,²⁹ его герои всегда конкретно-индивидуальны. Однако принципы индивидуализации у Фета также своеобразны — он с равным интересом повествует и о лицах, выделяющихся из общего ряда, и о тех, кто совсем, казалось бы, малоинтересен. Повествователь в мемуарах как будто постоянно заботится о сохранении характерологического баланса, уделяя равное внимание и первым, и последним, избегая резких штрихов и психологических крайностей. Вместе с тем возникает и эффект непрозрачности, или недовольности, авторского «я»,³⁰ опять же сближающий мемуарную прозу и лирику Фета. Формы репрезентации личностного начала составляют актуальную проблему в исследованиях лирики Фета, изобилующей безличными формами,³¹ отмечалось, в частности, стремле-

---

²⁷ Фет А. А. Предисловие и комментарий ко II-й части «Фауста» Гёте / Публ. Н. П. Генераловой // 175 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета: Сб. науч. трудов. Курск, 1996. С. 72.

²⁸ Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. Köln; Weimar; Wien, 2002. P. 22.

²⁹ Эту черту отметил еще Ап. Григорьев, писавший в статье «Русская изящная литература в 1852 году» об «отсутствии типичности и преобладании личности и случайности» в ранней лирике Фета (Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967. С. 98).

³⁰ См.: Klenin E. The Poetics of Afanasy Fet. P. 22; Вайсзонф М. «Цветочные спирали»: недовольность как конструктивный принцип в поэзии Афанасия Фета. С. 51–61.

³¹ См., например: Чичерин А. В. Фет // Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля: Повествовательная проза и лирика. М., 1977. С. 427–428; Фаустов А. А. Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. С. 101; и др.

ние поэта «опредмечивать <...> сами лирические переживания, охраняя личность от объективации». ³² Проблема защиты авторской личности от объективации имеет все основания быть поставленной и при анализе автобиографической прозы поэта. В этом ракурсе и «отдельность» каждого эпизода сообщает повествовательному потоку оттенок безличности, выявляя, с одной стороны, «стихийность происходящего, его самопроизвольность», с другой — его «непреложность», «совершение судьбы». ³³

Отметим еще ряд особенностей мелко-мозаичной структуры мемуарного текста. В частях, повествующих о детстве и юности поэта, отдельные эпизоды глав, как правило, объединены «тесным» родственно-домашним и бытовым сюжетом, это общий принцип построения всех глав, начиная с I-й по VIII-ю. Так, глава VII состоит из следующих эпизодов: «Мои поездки на Ядрино к дяде Петру Неофитовичу. — Его птичник. — Именины дяди. — У дяди Ивана Неофитовича. — Смоленские дворяне. — Тетенька Семенкович. — Тетенька Любовь Неофитовна. — Ее сын» (С. 64). В той или иной степени сюжетно связанными остаются и эпизоды глав, посвященных учебе Фета в пансионе Крюммера и Московском университете. Но в начале «кирасирской» части мемуаров, начиная с главы XXXII, структура и содержание глав резко меняются, являя в буквальном смысле «живой калейдоскоп жизни», хаос новых армейских фигур и лиц. Они представлены повествователем эскизно, бегло, случайный и произвольный характер «жизненного потока» здесь заявляет о себе со всей очевидностью. И только с развитием армейского сюжета из калейдоскопа фигур и лиц выдвигаются индивидуальности, которые останутся вписанными не только в армейскую биографию Фета, но и в его жизненную судьбу. Среди них в первую очередь следует назвать полкового адъютанта Н. И. Небольсина, ротмистра А. А. Деконора (в тексте: Оконор), в 1842—1850 годах командовавшего 3-м эскадронном, в котором служил Фет, и в особенности полковника К. Ф. Бюлера, в 1848—1853 годах командира Орденского полка, при котором Фет с февраля 1849-го и до окончания службы в полку в мае 1853 года состоял в должности адъютанта. Бюлер, с которым Фета связали, по его признанию, сыновно-отческие отношения, упоминается в рассказах «Каленик» (1854), «Семейство Гольц» (1870), «Не те» (1874), он также стал главным героем неоконченного рассказа «<Полковник Бергер>» (1860-е).

³² См.: *Ермилова Е. В.* Некрасов и Фет // Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1871. М., 1971. С. 293.

³³ *Фаустов А. А.* Судьба, пространство и статус лица у Ф. И. Тютчева и А. А. Фета. С. 101.

Барон К. Ф. Бюлер, командир Кирасирского Военного Ордена полка
в 1848–1853 гг.

Мысль о соотношении хаоса и упорядоченности, концептуально важная для мемуариста, в «кирасирской» части текста так или иначе постоянно присутствует. Показательно, например, рассуждение повествователя в главе XL: «Человеку, незнакомому с построениями боевых масс на маневрах, <...> все эти движения ломаными частями, исполняемые в кавалерии, большею частию в карьер, неизбежно покажутся чем-то вроде кружения, о котором Пушкин так живописно говорит в своих „Бесах“. / „Будто листья в ноябре...“ / Мчишься в туче пыли, нередко одними коленями да стремянами чувствуя соседей и догадываясь по ритмическому сотрясению тела, что, должно быть,

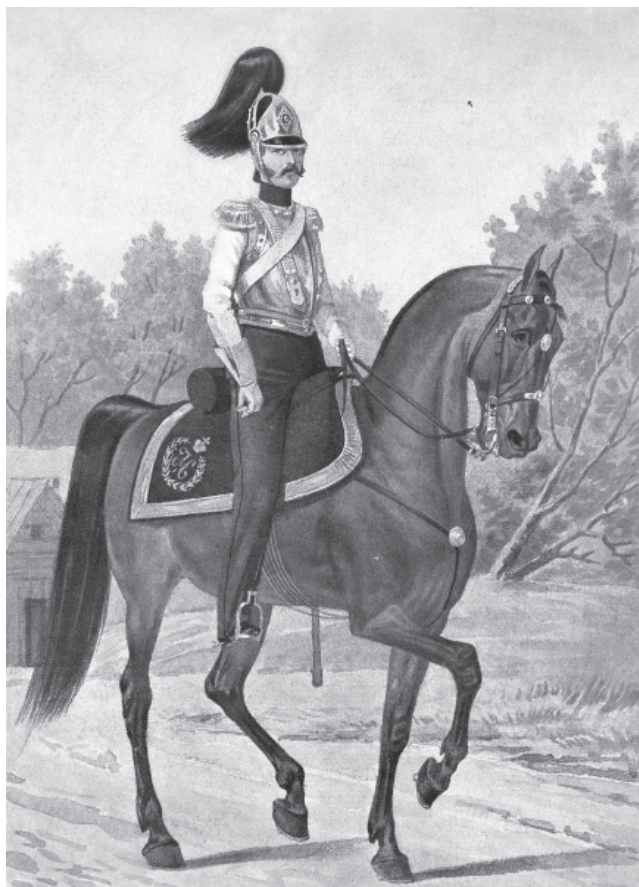
давно уже куда-то несешься, так как среди Божьего дня не только не видишь переднего всадника, но даже головы собственного коня. <...> Но даже в той тесной сфере наблюдения, которая выпадает на долю всякого солдата в задней шеренге, невозможно не изумляться чудесам дисциплины, посредством которых она готовит массы людей к героизму и самоотвержению» (С. 333). «Великое дело воинская красота <...>» (С. 330), — заметит мемуарист в другом месте.

В своей армейской судьбе Фет, получивший в 1849 году чин поручика, в 1851 — штабс-ротмистра и заслуживший репутацию «усердного и исполнительного» офицера (С. 281), добросовестного «служаки» (С. 324, 350), видел очевидные знаки участия «высшей воли». Завершая «кирасирскую» часть воспоминаний, он признавался: «Когда я сличаю свою нравственную распущенность и лень на школьной и университетской скамьях с принужденным самонаблюдением и поддержкой во время трудной адъютантской службы, то должен сказать, что кирасирский Военного Ордена полк был для меня возбудительной школой» (С. 548).

Если героические элементы были «почти безусловно чужды поэзии Фета», по свидетельству ее горячего поклонника Б. В. Никольского, то сам он был «героическим примером мужественной и верующей стойкости».³⁴

Совершенно особенное значение имеют в «кирасирской» части эпизоды (как правило, это фрагменты глав), связанные с усадебным миром Александрийского уезда Херсонской губернии. Это мир, который отчетливо контрастирует с регламентированной военной жизнью, и повествование последовательно выстраивается на контрастах служебной и внеслужебной реальности. Привычный с детства и дорогой Фету усадебный мир, оттеняя эту реальность, открывается кирасирскому поэту широко и свободно, как, вероятно, мало кому другому. Нет смысла напоминать, что значили для Фета Федоровка, имение Петковичей, где он познакомился с Марией Лазич, и Березовка, имение Бржеских. Лирическая составляющая в изображении усадебного мира исключительно сильна в «Ранних годах моей жизни», «усадебный текст» здесь присутствует как своего рода «лирическое хозяйство». Характерно при этом для всех описаний усадебного быта внимание рассказчика как к его природной, так и к хозяйственной стороне, к подробностям его рациональной организации и благоустройства. Кругозор повествователя, молодого кирасирского офицера, включает, таким образом, и опыт состоявшегося успешного фермера, усадебного владельца.

³⁴ Никольский Б. В. Основные элементы лирики Фета. С. LXIX, LXXIII.

Штаб-офицер Кирасирского Военного Ордена полка. 1845 г.

«Жизненный поток» в мемуарном повествовании Фета предстает в равновесии линейного и циклического движения. Повествование подчинено временной хронологии — поступательному, линейному движению времени и развитию событий, и Фет, можно сказать, педантически последователен в их изложении, у него практически нет временных смещений, крайне редко он забегает вперед или отступает в прошлое. «Ранние годы...» создавались как единый текст, и автор зачастую отсылает читателя к вышеизложенному в тех случаях, когда встречается, намеренно или же случайно, людей из прошлого — как во время поездки в Москву в конце 1849 года для подготовки к изданию сборника стихотворений или при встрече весной 1850 года с ротмис-

тром Альфонсом Перейрой, своим однокашником по Верро. Цикличность также достаточно отчетлива в структуре повествования. Не забудем, что кирасирский полк был дислоцирован в деревнях и селах Херсонской губернии, и жизнь полка, как и крестьянская жизнь, подчинена годичному сезонному циклу. Осенне-зимние циклы в фетовских описаниях неотчетливы, почти неразличимы, в центр зимних событий, как правило, попадают бытовые служебные заботы и балы в городских дворянских собраниях (судя по многочисленным эпизодам контрдансов, мазурок и вальсов, Фет был нерядовым танцором). И напротив, весенне-летние сезонные циклы отмечены событийной оживленностью. С приходом весны на травяное содержание переводят лошадей — кавалерия уже этим вписана в природный ритм, весной начинаются полковые, дивизионные и корпусные кампании, ежегодное описание которых последовательно включается в повествование. Весной приходит и время охоты, а это одно из ярких и ожидаемых событий в «жизненном потоке» мемуариста, не уступающее другим в ряду жизненных ценностей, охотам в мемуарах уделено значительное повествовательное пространство.

Последовательный хронометраж событий в «Ранних годах моей жизни» подчинен общей авторской сверхзадаче — созерцания проявлений «высшей воли», слагающей и организующей «жизненный поток» в жизненный текст.